

РЕЦЕНЗИЯ

«Господин Горбачев, снесите эту стену!»

В марте Михаилу Горбачеву исполнилось 88 лет. Он дожил до обожания миром и очень противоречивого отношения к себе в России.

Недавно году на русском языке вышел, пожалуй, самый глубокий труд об «отце перестройки» — книга американского исследователя Уильяма Таубмана «Горбачев. Его жизнь и время». Для «Д» о ней рассказывает **Виктор Лошак**.

Виктор Лошак

Самое глубокое, фундаментальное исследование о Михаиле Горбачеве и перестройке не стало сенсацией в России. О труде Уильяма Таубмана почти не пишут. Все это объяснимо настроениями в стране и прежде всего романтизацией СССР. Боюсь, что сейчас самым популярным ответом на вопрос «Кто такой Михаил Горбачев?» будет: «Тот, кто развалил СССР». Россия начала XXI века — очевидный ответ на едва ли не главный вопрос перестройки о том, как быстро можно изменить советского человека. Оказалось, что строй, экономика, структура огромного государства меняются куда быстрее, чем человек.

Забыв, что представлял собой Советский Союз конца 80-х прошлого века. Очереди, дефицит, ожесточение холодной войны, непосильные расходы на армию, развалившееся управление...

Для автора, видимо, принципиально, что его исследование не стало официально одобренной биографией Михаила Сергеевича, что он не обращался к бывшему советскому лидеру с просьбой ее написать. Первая его встреча по этому поводу с будущим героем, пожалуй, была изчерпана вот этой фразой: «Горбачева трудно понять», — сказал он мне, отыскивая о самом себе в третьем лице, как он это нередко делает.

Как крестьянский мальчишка, который на «отлично» написал сочинение, восхвалившее Сталина, превратился в могильщика советского строя? Почему ему таким важным оказалось мнение о себе мира? Были ли у Горбачева план?

Таубман 12 лет работал над ответами на эти и другие вопросы, над исследованием последнего лидера СССР и его времени. «Несмотря на ошибки и неспособность достичь всех своих благородных целей, он остается трагическим героем, который заслуживает нашего понимания и восхищения» — это последний вывод, последняя фраза книги.

Если читать «Горбачева» внимательно, то увидишь, как в пользу симпатии к Михаилу Сергеевичу по ходу исследования его жизни и состояния страны меняется тон автора. Таубман не поленился заглянуть в его детство и юность, во времена, когда Михаил Сергеевич был среднего звена провинциальным партийным функционером. Читатель начинает понимать, как жадно еще задолго до попадания в большую власть чета Горбачевых открывала мир. Подруга семьи вспоминает: «Они молодцы, другие тратили деньги на вещи, приобретение, а они — на поездки. Покупали туристические путевки и ездили, смотрели мир». Из этого времени было уже рукой подать до декабря 1984 года — знаменитой премьеры Михаила и Раисы Горбачевых на мировой арене. Тогда это был визит в Великобританию еще не руководителя страны, а просто главы Международного парламентского комитета. Ближайшая помощница Тэтчер вспоминает, как все были очарованы этой парой. «Поскольку Горбачева была одета элегантно по-западному в хорошо шитый серый в полосочку костюм — я бы сама такой с удовольствием надела». Именно в конце этого визита Тэтчер открыла перед Горбачевым многие двери своей знаменитой фразой: «Мне нравится мистер Горбачев. С ним можно иметь дело».

В своей книге Таубман напоминает нам, что удивление страны Горбачевым началось еще до того, как он объявил новый курс и в СССР заговорили о перестройке и гласности. Через несколько недель после избрания Михаил Сергеевич отправился в свою первую поездку. Естественно, в Ленинград. Выступая там перед партийным активом, он пока еще не сказал ничего революционного: дисциплина, качество работы, «мобилиза-

ция всех творческих сил»... Но говорил страстно, убедительно и без всяких бумажек. Страна была буквально ошарашена! Кассеты с ленинградским выступлением продавались на черном рынке.

Интересно, во что верил в момент прихода к власти в стране ее лидер? Что собирался делать?

Разбирая взгляды и выступления Горбачева, задавая прямые вопросы самому советскому лидеру, автор считает: «Упоминания о верности идеям большевиков не были тактическим реверансом — это говорилось вполне искренне. Он действительно по-настоящему верил — конечно, не в преимуществе советского строя, каким он был в 1985 году, но в то, что его еще можно исправить и приблизиться к заветным идеалам... Горбачев верил в социализм, это была вера его любимых отца и деда». Действительно, его поколение и особенно его соратники считали, что социализм извращен и его еще можно спасти, реформируя.

Жизнь и понимание реального положения страны очень меняли Горбачева, но единственным, что он все-

«Как получилось, что Горбачев стал единственным в русской истории политиком, который, имея в своих руках полную власть, сознательно шел на риск ее потерять?»

да отметал с порога, были любые попытки изменить советский строй с помощью силы или насилия. Однако в итоге, как замечает Таубман, Горбачев «взялся менять все сразу: политическую систему, экономику, идеологию, межэтнические отношения, внешнюю политику и даже само понятие советского человека». Были ли у Горбачева план перестройки, ее стратегия? Сторонники говорят, что их не было и не могло быть ни у кого — настолько необычной была задача преобразовать диктатуру в демократию, командную экономику в рыночную, централизованное государство в настоящую федерацию, а холодную войну в новый мировой порядок, основанный на отказе от силы. Ну и главное, чего не учел Горбачев, — это сложность преобразования советского человека с его традиционным авторитаризмом и антизападничеством. Скорее был у Михаила Сергеевича не план, а мечта: «совместить соци-

Июль 1990 года. Общение между переговорами — Гельмут Коль и Михаил Горбачев

ализм с научно-технической революцией», «использовать преимущества, свойственные плановой экономике».

Самым первым и, возможно, самым решительным новшеством Горбачева стало отрицание старого стиля руководства: новый генсек категорически запретил нести свой портрет во время демонстраций, на совещаниях он прерывал тех, кто начинал славословия в его адрес.

Частью имиджа нового генсека стала его жена. Раиса Максимовна — элегантная, любящая, честолюбивая — она была всегда рядом. А это уже само по себе было необычно.

Сегодня очевидно, что ни Горбачеву, ни после него Ельцину не удалось провести корабль страны сквозь поднявшийся необычайной силы шторм межнациональных конфликтов. Таубман довольно подробно описывает, как развивались события и те половинчатые меры, на которые соглашался генсек, а позже президент СССР. Из сегодняшнего дня важным кажется, что Горбачев всегда понимал и перечислял среди первых «потенциальных очагов противостояния на этнической почве» Украину, где в тот момент проживали 14 млн русских. Вместе с тем Михаил Сергеевич тогда обладал потрясающим для

сохранения психики качеством: он видел то, что хотел увидеть. Но национальные движения были мощными и неизбежными. Подробное описание их в «Горбачеве» — это и аргументы для ответа на вопрос, можно ли было одновременно дать свободу и сохранить СССР.

Что бы и кто сегодня ни говорил, мир не хотел распада СССР. Советский Союз был привычным, а с приходом Горбачева к власти и понятным, неагрессивным партнером. Когда в том же 1989-м президент Буш-старший посетил после Москвы Киев, начинавшие чувствовать вкус новой большой власти украинские лидеры ждали от Америки поддержки, но президент США, как мог, осадил националистов. «Свобода — это не то же самое, что независимость. Американцы не станут поддерживать тех, кто стремится к независимости для того, чтобы сменить тиранию, навязываемую издавна, местным деспотизмом. Они не станут помогать тем, кто поощряет самодвижимый национализм», — заявил Буш украинскому парламенту.

1989-й был и годом, когда окружение впервые услышало от Горбачева размышления на тему конца карьеры. Самый близкий из помощников

Анатолий Черняев записал в дневнике слова Михаила Сергеевича во время отдыха в Пицунде: «Не бросить ли все, не отойти ли в сторону... пусть те, кто получил свободу, покажут, умеют ли они ею пользоваться». Автор книги комментирует: «Горбачев не ушел в отставку. Хотя, возможно, стоило уйти — ради себя самого и особенно ради жены, которая гораздо ближе к сердцу, чем он, принимала все беды и сложности». Хорошо известно, что после смерти Раисы Максимовны Горбачев не раз винил в этой трагедии себя...

Первый Съезд народных депутатов СССР 1989 года можно было бы назвать вершиной позднесоветской демократии. Но помощник генсека Анатолий Черняев назвал этот период «временем скольжения перестройки по наклонной». Этой «наклонной» стала ситуация на рынке, разрыв между возрастными семейными доходами и отсутствием товаров. Из 989 видов самых важных к концу года в свободной продаже были лишь 11%. Из магазинов начисто исчезли телевизоры, холодильники, моющие средства, мебель, утюги, косметика, школьные тетради и карандаши... Обсуждая это, Горбачев прямо сказал коллегам по политбюро: «Ситуация критическая. Имеем год, максимум два, иначе надо уходить».

Известно, что в Германии к Горбачеву особое отношение и прежде всего потому, что он дал возможность стране опять стать единой. «Революция Горбачева изменила как сознание десятков тысяч россиян, которые отныне осмеливались противостоять войскам и танкам, так и генералов, военных, которые отныне не осмеливались стрелять в свой народ». Обстоятельства ухода Горбачева не сделали чести ни сменявшей его власти, ни тем порядкам, которые были установлены в Советском Союзе многие десятилетия. Удивляет не то, что никакие проводы президента СССР в декабре 1991-го не произошло, а то, что ни один из президентов теперь уже суверенных государств на территории СССР не только не приехал в Москву, но даже не позвонил Горбачеву.

Свою прощальную речь, показанную телевидением, Михаил Сергеевич прочел ровно, голос его не дрогнул. Хотя последние фразы, видимо, дались ему с трудом: «Наверняка каких-то ошибок можно было избежать, многое сделать лучше. Но я уверен, что раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе». Таубман рассказывает, что за день до отъезда Горбачевым связался канцлер ФРГ. На вопрос немца об СНГ Президент СССР ответил: «Не верю в успех, но хочу, чтобы у них получилось». «Коль, — пишет исследователь, — напомнил о бесконечной благодарности немецкого народа Горбачеву и предложил ему переехать в Германию, советский лидер поблагодарил друга, но ответил, что останется в России».

Чета Горбачевых и чета Буш во время церемонии официальной встречи в Америке

ГАЗЕТА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИАЛОГ»
Свидетельство Роскомнадзора
ПИН №ФС 77 — 70074
Выдано 07.06.2017
Учредитель: Фонд ВАРП
Адрес: 121609, г. Москва,
Рублевское шоссе, 28

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ
С российской стороны: Виктор Зубков, Виталий Игнатенко, Павел Гусев, Михаил Гусман, Андрей Купцов, Виктор Лошак (главный редактор)
С германской стороны:
Роналд Пофалла, Стефан Холтхофф-Пфёртер, Детлеф Принц, Йохан-Михаэль Мёллер, Петер Кёпф (координатор)

Издатель: АО «Коммерсантъ»
Адрес: 127055, г. Москва,
Тихвинский пер., д. 11, стр. 2

Владимир Желонкин —
генеральный директор АО «Коммерсантъ»,
главный редактор газеты «Коммерсантъ»

Сергей Вишневецкий —
директор фотослужбы
Рекламная служба:
Тел.: (495) 797-6996, (495) 926-5262
Владимир Лавицкий —
руководитель службы
«Издательский синдикат»

Анастасия Мануйлова — редактор
Владимир Широков — перевод
Кира Васильева — ответственный секретарь
Сергей Цомык — главный художник
Екатерина Липатова, Галина Кожеурова —
фоторедакторы
Екатерина Бороудина — корректор

Адрес редакции:
121609, г. Москва,
Рублевское ш., д. 28
Тел.: (495) 797-6970,
(495) 926-3301
Бесплатно 16+